

Несовершенство

Она отворила дверь, но не до конца, зная, что иначе та заденет многочисленные ящики и коробки, громоздившиеся сбоку у стены, точно руины древнего замка. Не дай бог, ещё и наваленные поверх рамы упадут, шуму-то будет. Образовавшаяся щель только-только позволяла протиснуться стройной фигурке женщины или телу её столь же худого мужа. Он сам как раз сидел на облезлом табурете спиной к входу, возвышаясь над картинами разной степени готовности, разноцветными баночками, деревянными палками неизвестного назначения, кусками ткани, разбросанными повсюду, и прочими «самыми необходимыми» мелочами. Даже его спина и небрежно отброшенные назад длинные седеющие волосы выражали глубокую задумчивость. Конечно же, он не заметил ни открывшейся двери, ни стоящей в проходе жены.

Обычно она старалась не заходить в мастерскую, где хозяйничал тот самый истинный беспорядок, который невозможно создать даже нарочно. Однажды ей уже пришла в голову мысль переложить вон те мятые листы бумаги, раскиданные по полу, и закрыть вот эту вот баночку с прозрачной жидкостью, источавшей резкий запах... тот скандал до сих пор звенел в ушах, хотя уже столько лет прошло. Женщина переступила с ноги на ногу, и половица вдруг предательски скрипнула под её босой ступней...

Очередной набросок был резким движением отставлен в сторону, едва не нарушая хрупкое равновесие, не позволявшее хаотично накиданным друг на дружку вещам рухнуть на пол. Эти линии, эти штрихи, кто их сделал? Какой-то художник-недоучка? Никуда не годится, совсем никуда не годится. Опять.

Генри зажмурился, потер пальцами переносицу и снова взялся за карандаш. В этот раз получилось лучше, или всё же недостаточно хорошо, чтобы начать работать маслом? Художник долго и задумчиво разглядывал набросок, поправляя детали по ходу. Неожиданно сзади что-то скрипнуло, и он едва не свалился с табурета.

- Ты меня напугала, Лиза, - вместо приветствия бросил он жене.

- Прости, я не хотела, - вздохнула она и глянула на незаконченную работу, которую так внимательно изучал Генри. – Красиво...

- Недостаточно, - сокрушенно ответил художник. - Это совсем не то, что я хочу.

– Пойдем ужинать? – Лиза знала, что спорить относительно его творчества совершенно бесполезно.

Генри нехотя поднялся и под неодобрительный взгляд супруги вытер руки о видавшие виды штаны. Несколько шагов, и он оказался рядом с ней. Женщина всегда удивлялась, как её муж так быстро находит дорогу в своем лабиринте, состоявшем из «не трогай, это нужно» и «нет, это должно лежать именно здесь».

В небольшой скромной столовой аппетитно пахло жареным мясом и сладкими булочками. Генри задумчиво размазывал соус по тарелке, будто в его руке была не вилка, а одна из его кистей.

- Поешь, - без особой надежды попросила Лиза.

- Что-то не хочется. Знаешь, у меня последнее время ничего не получается...

- Но ведь это неправда, - отважилась возразить она. – Я видела, что ты рисуешь, твои работы всё также красивы и талантливы.

- Меня они не удовлетворяют, это совсем не то, что мне нужно, понимаешь?

- Не уверена, - честно призналась женщина, и осторожно произнесла то, что раньше так боялась сказать вслух. – Может быть, тогда тебе начать рисовать на заказ? Тебя не раз просили...

- Ты и так продаешь мои работы, хотя я тебя просил этого не делать. Сто раз говорил, что они не достойны того, чтобы их кто-то покупал, - в его внешне спокойном голосе звенела сталь. – Тебе мало этого?

- Но за последние месяцы ты не закончил ни одной! – эмоции, годами закованные в терпение, плеснули через край. – Только начинаешь и сразу бросаешь. Даже если ты мог сделать что-то идеальное, как мечтаешь, как бы ты это понял, если даже до конца ничего не довел?

Поток слов оборвался от единого взгляда на неожиданно постаревшее лицо мужа. Поздно сожалеть, и от извинений мало проку, но она всё же тихо произнесла их.

- Нет, ты абсолютно права, тебе не за что извиняться. Но... я просто не могу заканчивать то, что уже в самой задумке своей недостаточно хорошо. Я не вижу в этом смысла.

Она промолчала, комкая пальцами салфетку.

Холодный, липкий страх, который не дает пошевелиться, хватая за горло, не позволяя жадно сорвать глоток кислорода, чтобы легкие снова наполнились жизнью. Страх, неподъемными цепями приковывающий к земле, не дающий сдвинуться ни на шаг. Когда понимаешь, что ты не отсюда, что здесь тебе не место, но вырваться не в силах. Губы судорожно раскрываются, как у скользкой рыбины... беззвучно.

Он открыл глаза и часто глубоко задышал. Просто дурной сон. Кошмар, после которого пробуждение кажется благословением, после которого боишься даже на долю секунду смежить веки, чтобы снова не утонуть в нем. Сон был настолько ярким, что Генри не был уверен, достаточно ли просто не закрывать глаза, чтобы не вернуться. В то же время, видение было таким притягательным, он давно не ощущал ничего настолько мощного, переворачивающего всё внутри, пусть и от страха. Художник спустил ноги с кровати и вышел во двор, понимая, что уснуть вновь ему вряд ли удастся.

Раннее, даже слишком раннее, граничащее с ночью, утро встретило его густым туманом, сквозь который едва можно было разглядеть очертания деревьев и соседних домов. Они напоминали несмелые наброски карандашом, которые, никак нельзя было обвинить в несовершенстве. Он стоял на пороге, вдыхая запах влажной травы, не замечая, что роса насквозь пропитала домашнюю обувь. Завороженный, ощущая всю полноту красоты страха и потерянности. Жадно Генри вбирал глазами эту картину, зная, ЧТО нужно перенести на полотно холста и КАК это сделать, чтобы, наконец, ощутить удовлетворение.

Туман перестал напоминать густой кисель, превращаясь в легкую дымку, точно органза опутывающую всё вокруг. Тогда наваждение прошло, и Генри, бережно храня жутковатый образ перед глазами, побежал в мастерскую. Одежда ещё хранила в себе остатки сна и холод раннего утра, руки, скованные долгим бездействием, непослушно взялись за кисть. Сразу за кисть, никаких набросков, никакой пробы.

Каждую секунду, каждый вдох наполненного едва уловимыми запахами масляных красок воздуха, художник будил в себе пугающее ожидание и пронизывающий ужас, зыбкую неизвестность, за которой таилось нечто. Снова и снова он заставлял себя переживать ночной кошмар, а кисть порхала над холстом, выводя завитки тумана, сквозь которые торчали скрюченные пальцы деревьев. Генри даже не оглянулся, когда за спиной послышался грохот обрушившихся рам — на этот раз Лиза всё же не рассчитала и непростительно широко раскрыла дверь. Её извинений он тоже не услышал, а на приглашение к обеду, просто махнул рукой.

Не встал он и тогда, когда услышал робкое: «Пойдем хотя бы поужинаем?».

– Ты же только что звала меня обедать, - голос прозвучал хрипло, будто он молчал не сутки, а много лет.

– Знаешь, когда это было? Уже много часов прошло.

– Да? Я и не заметил. Но это не важно, я не уйду отсюда, пока не закончу.

– Но...

– Всё, не отвлекай меня больше, я и так слишком надолго прервался.

– Как скажешь, - язвительно отозвалась Лиза и хлопнула дверью чуть громче, чем следовало.

Только Генри даже и не вздрогнул, так поглотила его работа, за которую он вновь взялся, едва успев закончить свою фразу. Голод, усталость – эти слова потеряли смысл, утонули в бесконечной жажде созидания. Только рука, кисть, краски и холст стали его вселенной, пока он, наконец, не осознал, что уже давно закончил работу, а последнюю пару часов вносит минимальные правки, едва заметные глазу.

Он поднялся, ощутив легкое головокружение то ли от запаха красок, то ли от голода, но улыбка всё равно поползла по его лицу. Оглядываться не стал, ещё не время.

Кажется, двор уже укутали уютные сумерки. Интересно, какого дня – этого или уже следующего? Так ли это важно? В сущности – нет.

В углу всё ещё валялись разбросанные следы неосторожности Лизы, но ставить их на место не было ни сил, ни желания. Нужно отдохнуть. Совсем немножечко, а потом взглянуть на то, что получилось. Понять, действительно ли получилось?

Картина ждала его там, где он её оставил, манящая, пугающая. Широкий холст был крупнее всего, с чем он работал за последнее время. Жена ахнула из-за спины – впрочем, на сей раз никаких подтверждений и не требовалось. Генри склонил голову набок и жадно впитывал то давно забытое чувство удовлетворения. Казалось, ещё немного, и туман потечет с полотна на пол, тощие когти веток дрогнут, призывая неосторожного путника в зыбкую и страшную ловушку. Медленно, художник подошел к своему творению, пощипал пальцами подбородок. Ещё чуточку поправить... вот здесь добавить, а тут немного убрать... Это стало смыслом его последующих недель.

- Может быть хватит? Всё и так прекрасно, точно живое.

- Ты просто не понимаешь.

Он вновь и вновь смотрел на полотно, вновь и вновь находил на картине мелкие несовершенства, без устали правил их. Отходил, внимательно смотрел, снова возвращался, изменял невидимые глазу неточности.

Кисточка мягко коснулась поверхности, густо укрытой мазками. Холст дрогнул. Генри нажал чуть сильнее, но волоски не оставили следа на картине, вместо этого вся она заволновалась, запульсировала. Мужчина плотно сжал веки – слишком много работал, слишком сильно напрягал зрение, выискивая мельчайшие недостатки. Снова открыл глаза, но лучше не стало. Кисть словно погрузилась в полотно, которое теперь больше напоминало окно, нежели написанную маслом картину.

- А Лиза говорила, что я когда-нибудь сойду с ума, - пробормотал Генри, приближая лицо к холсту.

Он толкнул кисть, она ещё глубже погрузилась в нарисованный туман. Несмело художник распрямил пальцы, и они нащупали густую пустоту там, где должен был быть мольберт.

Это наверняка сон, а если так, то почему бы не узнать, что там по ту сторону? С этой мыслью Генри смело, даже дерзко, сунул голову в густой, уже не нарисованный туман, а затем, держась руками за края холста, которые оказались твердыми, точно рама, шагнул в неизвестность.

Ноги коснулись мокрой почвы, едва укрытой тоненькими стебельками травы, и мужчина тут же пожалел о том, что был босиком. Вокруг царил молочно-белая, непроницаемая пелена, в которой прятались темные силуэты старых деревьев, растопыривших пальцы-ветви. Художник сделал несколько неуверенных шагов – ощущения были слишком реальными даже для самого красочного кошмара. Нет, это точно не сон, но как такое возможно?

В маленьком кустике возле ноги что-то зашевелилось. От испуга Генри отпрыгнул в сторону, и прикосновение ступни к земле показалось ему оглушительным. Только теперь художник заметил, как неправдоподобно тихо здесь было. Всё вокруг будто замерло, застыло то ли в ожидании, то ли в страхе. А куда ни глянь – всё одинаковое. Художник сделал небольшой круг, затем прошелся то в одну, то в другую сторону – ничего. Единый однообразный пейзаж. Пейзаж, который он знал лучше, чем узор обоев на стенах спальни, чем расположение скрипучих половиц возле мастерской, чем число морщинок на лице жены.

Здесь не было никого, это одновременно и успокаивало, и пугало. Генри ощутил острое желание вернуться в свою уютную мастерскую, снова бурчать на Лизу и пить горячий чай, который она заботливо приносила. Вернуться – почему эта простая мысль не пришла к нему сразу? Он оглянулся, покрутил головой то в одну, то в другую сторону – ничего похожего на «окно» обратно не удалось найти. Пока он бродил туда-сюда, совершенно потерял направление, да и как его запомнишь в таком тумане? Холодное, незнакомое прежде чувство неприятно проползло по спине, поселилось где-то на уровне живота. Ноги точно приросли к влажной земле, а мрачные деревья, до того маячившие где-то вдали, будто бы придвинулись, обступая со всех сторон. Генри готов был поклясться, что их беспорядочно торчавшие ветви потянулись к нему, затягивая туманное небо темной сетью. Художник попятился, неловко наступил на тонкий сучок – тот треснул, пронизывая расколотым звуком мертвый воздух. Но неживая тишина не вернулась – ритмичное биение осталось. Мужчина побежал, но оно не стихало, нарастало, становилось быстрее, чаще, звонче. Он упал на колени. Понял, что это был за звук – его собственный, звук его сердца, готового вырваться и бросить его здесь одного.

Генри заставил себя подняться, на что ушло слишком много сил. Пошатнулся. Прислушался. Должно же быть здесь что-то... кто-то, кто сможет помочь? Он знал, как никто другой – здесь нет ничего... ничего хорошего, доброго. Концентрация страха и одиночества – вот и всё, что он вложил в свое творение.

Сглотнув вязкий комок, застрявший в горле, Генри заставил себя шагать. Нужно найти дорогу назад. Хотя бы попытаться... или остаться здесь. Навсегда?

Есть ли здесь время? Есть ли здесь хотя бы смерть? Или умирать придется только от страха... вечно? Приходившие в голову мысли пугали ничуть не меньше, чем беспросветный туман, забиравшийся под тонкую одежду, лапая лицо и руки своими влажными ладонями.

Он шел, не понимая ни расстояния, ни направления. Это бесполезно. Всё бесполезно. Генри повалился на траву и разрыдался, царапая ногтями землю... Чьи-то пальцы сжали его плечо.

Горячий чай, такой родной, так приятно обжигающий язык. Легкий привкус меда. И тепло, уходящее от кожи, глубоко разливаясь внутри.

- Ты почти нашел, - тихо сказала Лиза, всё ещё обнимая худые плечи мужа, - был совсем рядом, буквально в двух шагах.

Он молчал, наслаждаясь уютом дома и её голосом.

- Я ведь иначе бы тебя и не обнаружила, - тихо и неспешно продолжала она. – Заглянула в мастерскую, а тебя нет. И вдруг смотрю на картину – а там что-то лежит на земле, чего раньше не было. Я подошла ближе, а там...

Они ещё долго сидели на кухне. Он молчал, а она говорила.

- Ты не хочешь посмотреть на неё? – вдруг спросила Лиза.

- Нет, не хочу, - впервые за вечер Генри заговорил.

- Она снова тебе не нравится? – с грустью в голосе проговорила жена.

- Нет, наоборот, - он мечтательно улыбнулся, - она совершенна.